

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Анастасия Валеева
Семейный подряд
Серия «Седьмая линия», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170820

Аннотация

Детектив-экстрасенс Яна Милославская берется помочь попавшей в нелегкую ситуацию девушке легкого поведения Насте. Ее обвиняют в убийстве крупного бизнесмена во время оргии, но Яна догадывается, что дело обстоит совсем не так. И ей удастся это доказать...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	29
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	47
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анастасия Валеева

Семейный подряд

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Ну и погодка! – потянулся на постели Санталов, – только и остается, что трахаться да горькую пить.

Настя вздохнула и провела рукой по его широкой волосатой груди. Он расплылся в довольной улыбке.

– Слушай, – фамильярным тоном обратился он к ней, – ты где раньше была? – Мы могли бы кувыркаться с тобой еще пару месяцев назад.

– Почему пару? – надула губы Настя.

– Потому что... – Санталов с деланно озадаченным видом почесал затылок. – Ну, Витька, ну, подвинтил!

– Давай-ка я тобой займусь, – лукаво улыбнулась Настя, сползая к его животу. – Сними простынку, в квартире жарко... Ты же у нас стройненький козлик...

Она дурашливо хихикнула. Настя умела обращаться с мужчинами. Один из ее постоянных клиентов посоветовал ей «заняться» Санталовым, гарантируя «отличный результат». Он познакомил ее с Санталовым неделю назад, и Юрий каждый раз впадал в восторг от всех этих штучек, которыми Настя имела обыкновение потчевать свою клиентуру.

Настя была не просто умелая жрица любви, способная пофантазировать в постели, поэкспериментировать, а иногда и подыграть какому-нибудь проблемному клиенту. Она славила своей оригинальной внешностью: бледная кожа, светлые шелковистые волосы, закрывающие лопатки, синие глаза. Фигурка тоже была что надо. Подтянутая, худенькая, с крепкой объемной грудью и стройными ногами, Настя производила неизгладимое впечатление на мужиков. Раньше она работала в клубе, являясь с непроверенными клиентами и сутенерами, но теперь обслуживала исключительно богатеньких и влиятельных дядечек. И этот ее бизнес принес неплохие плоды. Три года назад ее родители стали жертвой обмана, потеряли квартиру. И вот Настя купила им двухкомнатную квартиру. Ни мать, ни отец не знали, чем она занимается. Или делали вид, что ни о чем не догадываются.

– А-а, – тяжело и гулко задышал Санталов, выше откинувшись на подушку. – Хо... Хорошо, еще, еще давай...

Юрий открыл рот и ловил воздух, словно выброшенная на песок рыба. Его лицо являло собой прелюбопытное зрелище – его раздирали мука и наслаждение, прочерчивая на нем зигзаги гримас.

– Ну... ну... – Санталов снова учащенно задышал и тут же издал глубокий стон: его накрыла волна наслаждения.

Настя проглотила бесплатный источник ценных белков и плотоядно облизнулась. Она знала, что мужикам нравился этот ее вполне животный жест. Несмотря на всю его живот-

ность было в нем что-то утонченно-извращенное и пленительное, как казалось ей. Санталов смотрел на нее благодарным и одновременно властным взглядом.

– Ну что, сладкий мой, – сощурила она свои синие бесстыжие глаза, – время собираться.

Санталов непонимающе взглянул на нее, потом протянул руку к прикроватной тумбочке и, пошарив по ней, достал часы – золотой «Ролекс».

– Блин, – встрепнулся он, – ну и время летит! Меня уже, наверное, Виктор ждет. Эх и достала ты меня, – он игриво хлопнул Настю по аппетитной попке.

Она выставила ее и поводила ею из стороны в сторону. Санталов не удержался и кинулся на Настю, накрыл сверху своим могучим телом.

– Ай-я-яй, – засмеялась Настя, – этак ты меня раздавишь, негодник.

Санталов имел средний, если не сказать посредственный темперамент. Она сразу это определила, после первого же контакта. Его достоинство было в другом: он сравнительно легко поддавался дрессировке. Настя полагала, что Санталов «голодает». Его ласки поначалу не отличались ни каким-то особым умением, ни особой страстью. Это она его расшевелила, расшевелила так, что теперь стоит ему ее увидеть, как его руки непроизвольно тянутся к ней под юбку.

Поманевривовав над милым женским задиком, Санталов внезапно оттолкнул Настю и сел на кровати. Потом встал,

подошел к креслу, на котором висел его пиджак от Армани, порылся во внутреннем кармане, выудил пятидесятидолларовую купюру и кинул на постель.

– Что это? – недоуменно посмотрела на него Настя.

Положенное за час работы вознаграждение она уже получила, поэтому новая доза зелени вызвала у нее законное удивление.

Санталов молча и пренебрежительно кивнул. Потом приказал Насте собираться. В этом грубом тоне и приказе не было нужды. Настя уже скучала, она не чаяла покинуть эту снятую ее «козликком» двухкомнатную, неплохо обставленную квартиру и пообедать.

Она покосилась на бутылку «Абрау-Дюрсо». В холодильнике имелся сок, а вот с минералкой у этого дядечки сроду напряг.

Санталов спешно одевался. Глотнув из рюмки апельсинового сока – он был за рулем – нацепил своего «Армани» и озабоченно взглянул на часы.

Уже в машине он заговорил о том наслаждении, которое Настя ему сегодня доставила. Настя смотрела на его жесткий профиль, на узловатые руки, лежавшие на руле...

– Я видел, ты тоже торчала, – удовлетворенно брякнул он, скинув ее пренебрежительно-покровительственным взглядом. – В групповушке не хочешь поучаствовать?

Санталов любил строить из себя такого распущенного типа. «Рисуется, как мальчишка», – мелькнуло в голове у На-

сти. Она прощала ему все эти дешевые трюки, всю эту сексуальную патетику. Да и не могла иначе, поскольку Санталов платил щедро и быстро.

– Что за групповушка? – выразила она чисто профессиональный интерес. – И во что это тебе обойдется? – кокетливо спросила она.

– Это не твое дело, во что мне все это встанет, – бросил через губу Санталов. – Так что?

– Какой состав?

– Я, ты и еще одна парочка, – криво усмехнулся Санталов. – Ну так как?

– Я не против, – пожала плечами, – но деньги вперед.

– Я все обмозгую, – хитро улыбнулся он, – ты в накладе не останешься.

– Надеюсь, – жеманно вздохнула Настя. – Когда?

– Я тебе позвоню, – в свою очередь зевнул Санталов, сделавшись вдруг меланхоличным.

– А вдруг у меня клиент будет? – игриво подмигнула Настя.

– Договоримся, – Санталов резко крутнул руль, – пятьдесят зеленых в час, – намекаяще улыбнулся он.

– Я подумаю, – хитро посмотрела на него кокетничающая Настя.

– Хватит из себя Бриджитт Бардо корчить, – фамильярно одернул ее Санталов. – Жрать хочется, – вдруг сменил он тему.

– На тебя всегда после этого жор нападает, – беззаботно заметила Настя, – я тоже, признаюсь, заморила бы червячка.

– Тебе проще, – вздохнул Санталов и высадил ее у ресторана, кухня которого всегда вызывала у него изжогу.

Он бросил косой короткий взгляд на красную «Нексию», стоявшую возле ресторана, и, оборвав на полуслове ударившуюся неожиданно в сентиментальность (это тоже было частью игры с клиентом) Настю, резко стартанул с места.

* * *

Оксана сняла и отдала гардеробщице, черноволосой пухленькой девушке с озорными раскосыми глазами, свое экстравагантное пальто из искусственного меха, свисавшего длинными нерасчесанными прядями сакраментального небесно-голубого цвета. Черное трикотажное платье, закрывающее ее лодыжки, делало ее вдвойне стройной, одновременно подчеркивая ее соблазнительные формы. Оксана немного неуютно чувствовала себя в парике, приобретенном в дорогом бутике. Его цвет – серебристо-платиновый – как ей казалось, привлекал к ней излишнее внимание.

Оксана всегда стремилась к легкому эпатажу, порой недоумевая откуда берется это желание. Внутри у нее частенько неприятно холодело, когда она замечала, что несколько пар мужских и женских глаз таращатся на нее с жадным любопытством. Если «зрителями» были мужчины, раздражаю-

щая прохлада, рождавшаяся в глубине души, вскоре переходила в пушистую щекотку, точно по проводу передававшую ее глазам провокационно-лукавое выражение, а губам – меланхолично-усталую улыбку, как бы говорящую, что Оксана не впервой притягивать лихорадочно-плотоядные взоры сильной половины человечества.

Тонкая золотая «змейка» на ее запястье скользнула вниз. Оксана подошла к огромному зеркалу в претенциозной бронзовой раме, достала из сумки косметичку, припудрила лицо и, оглядев свою фигуру критическим взором, двинулась в зал.

Ресторан «Золотое плато» был выбран ею сегодня наугад. Она не раз проезжала мимо него в своем новеньком авто, подаренном ей мужем на день рождения. «Нексия» казалась ей такой же женственной, как и она сама. Она заказала красный цвет, ибо где-то прочла, что пристрастие к этому цвету отличает эксцентричных и экзальтированных особ.

Оксана всеми правдами и неправдами хотела выглядеть одной из них. Тайный инстинкт подсказывал ей, что некоторая странность в поведении, демонстрируемая ею повсеместно, некий сплав женской чувствительности и детской беззаботности позволит ей избежать ответственности за некоторые неблагоприятные поступки, если таковые ей доведется совершить. В общем, Оксана полусознательно-полу-бессознательно работала на имидж богатенькой и впечатлительной ценительницы всего прекрасного и сказочного. Она

предпочитала яркие цвета, умопомрачительно резкие контрасты, черные простыни и дорогие украшения. Благо, Юра, ее муж, мог доставить ей удовольствие приобретать последнее.

Сегодняшний день стал для Оксаны вехой. Она сама еще толком не отдала себе отчета в этом. И теперь, усаживаясь на мягкое гобеленовое сиденье и принимая меню из ласковых рук заученно улыбающейся официантки, она силилась примерить на себя новую роль, коей отчетливые контуры придало известие, подкрепленное неопровержимыми фактами. Она еще не знала, как надлежит в подобных обстоятельствах вести себя взбалмошной кокетке, каковой она мечтала быть. Юра одним сильным штрихом перечеркнул этот ее имидж, и, отстаивая последний, она вносила в свой образ мыслей и чувств необходимые коррективы.

– Салат из морской капусты, сен-жюльен, моренго и минеральную воду, – сдавленно произнесла она.

Голос выдавал ее волнение. А она хотела выглядеть немного небрежной и отстраненной. Где-то она вычитала, что Мадонна пьет за обедом исключительно минеральную воду, и поэтому решила сфокусировать свое внимание на этом недорогом источнике вечной молодости и полезных для организма веществ. Официантка, которой, откровенно говоря, было начхать на Оксанин имидж с высокой колокольни, еще раз дежурно улыбнулась, застенографировала заказ в маленьком блокнотике, который моментально достала из

кармана на симпатичном переднике, и заскользила по ковровину к стойке.

Конечно, Оксана могла назначить свидание в каком-нибудь кафе быстрого обслуживания, ведь намеченная встреча носила чисто деловой характер. Но ее всегда раздражала царящая в таких кафе суматоха, поднимающийся от кастрюль пар и сконцентрированно-жадное выражение, не сходившее с лиц обедавших в подобных забегаловках граждан. Ее имидж, да и просто хороший вкус требовали чего-то более спокойного и фешенебельного. Она посмотрела на часы, маленькие золотые часики, купленные опять же Юрой, и удовлетворенно улыбнулась. Внимательный наблюдатель различил бы в этой улыбке оттенок злорадства и тревоги.

Сначала она решила делать вид, что ее не касается то, о чем она узнала. Она повторяла себе, что поручила проверить некое мероприятие этому малоприятному субъекту, которого теперь ожидала, исключительно из праздного любопытства. Все-таки речь шла о ее семье. Она была почти всем обязана мужу, он просто купил ее. На протяжении пяти лет Оксана упорно вбивала себе в голову, что любит его, что деньги здесь ни при чем. Да, она была красива, и Юра приобрел ее со всеми потрохами. Ему доставляло удовольствие таскать ее по вечеринкам и демонстрировать как достойный восхищенного внимания экспонат своим друзьям и деловым партнерам.

Она и сама получала от этого осмотра удовольствие, ма-

ленькое удовольствие из разряда мелких тщеславных страстишек, которые считала неотъемлемой частью жизни эксцентричной особы, представление о коей всеми силами старалась вселить в сердца других людей. В этой тихой, как квартира старой девы предпенсионного возраста, радости, было что-то скользкое и гадливое, что-то лягушачье, поквасивающее и сырое, отчего даже у такой мало рефлексирующей девушки, как Оксана, частенько сквозил в душе неуют.

Сартр определил бы это существование как насквозь невротическое и истерическое, как постоянное предательство самой себя, как неподлинность. Но Оксана не читала Сартра и иже с ним, она путала имидж и собственное «я», да и образ последнего, надо сказать, был настолько смутным, увешанным мишурой и выдумками, что в лучшем случае напоминал Оксанино манто из голубого искусственного меха.

– Пожалуйста, – выросшая точно из-под земли официантка принялась выставлять на стол тарелки.

Оксана вздрогнула и снова посмотрела на свои «Пьяже», кокетливо блеснувшие золотой оправой и дымчато-серым циферблатом. Посмотрев же, сделала недовольное лицо и криво улыбнулась официантке, как бы благодаря за расторопность. Потом взяла салфетку, меланхолично потеряла ею вилку и нож, грустно зевнула и ковырнула салат.

Она снова мысленно вернулась к Юре, к их солидному загородному дому, к их расположенной в самом центре города квартире, к их веселым вечеринкам, к их ночам... Что же она

делала не так? Или это он во всем виноват? Просто приелось ему «скромное обаяние буржуазии», решил покуралесить... Нет, она не может так этого оставить, не хочет! Оксана зябко передернула плечами. А вдруг он пошлет ее куда подальше?

Она еще пуще задумалась. Может, поиграть в стерву – возмущенную, избалованную, капризную? Еще один оттенок к имиджу. Или закрыть на все глаза? Мечь требует плана, а составить оный, – чувствовала она, – у нее нет сил. По крайней мере сейчас. Торопиться некуда, она все обдумает, взвесит, измерит и тогда уже...

– Добрый день, – неслышно подсел к ней очкарик с дряблыми чертами лица, по которым скользил слабый солнечный лучик, пробивавшийся сквозь занавески, – миленький ресторанчик.

– Принесли? – небрежно поинтересовалась она.

Оксана от Юры усвоила манеру разговаривать с людьми, которым платила: с парикмахершами, официантками, продавщицами, массажистками. Здесь требовалась жесткость и официальность. Ни малейшей теплой искорки, никакого панибратства!

Очкарик, мужчина лет тридцати, одетый в унылый серый костюм, заговорщически кивнул и нагнулся над столом.

– Четыреста, – вполголоса произнес он, – как и договаривались.

Оксана открыла изящную сумочку французской торговой марки «Скарабей», опять же Юрин подарок, и достала рас-

шитый причудливыми бисерными вензелями кошелек, больше похожий на ридикюль. Отсчитала несколько зеленых купюр и положила перед очкариком. Он пересчитал и быстрым птичьим движением спрятал деньги в карман пиджака.

– Остальные получите после того, как я увижу, чего стоит ваша работа, – высокомерно заключила она.

* * *

Слегка развинченной походкой Настя направилась к ресторану. Оскорбительная поспешность, с которой с ней простился Санталов, ничуть не поразила ее, просто еще раз напомнила, что, несмотря на статус дорогой жрицы любви, она все же проститутка. Да, порой от своих богатых и не слишком счастливых клиентов ей приходилось выслушивать такие признания и жалобы на тяготы сытой, но беспокойной жизни! Но эти нытики никогда не упускали шанс поставить ее на свое место, подчеркнуть деловой аспект их отношений.

Поначалу, еще работая у Мурашова, Настя весьма болезненно воспринимала подобные замечания, а то и просто жесты, указующие на ее социальную роль. Со временем она усвоила практику относить эти почти незауалированные требования субординации на счет служебных издержек. Иногда, правда, ее хваленое умение «не вешать нос» не могло избавить ее от горького привкуса во рту, и тогда единственным утешением для нее становилась горсть зеленых бу-

мажек, лежащих в кошельке, да еще сознание, что ее драгоценные клиенты не отличаются ни особым воображением, ни особой одаренностью на предмет счастья.

Она мысленно послала к черту Санталова, пожелала всех благ его дуре-жене и вошла в щебечущий симпатичным фонтанчиком холл ресторана. Зеленый ковролин под ногами, обитые зеленым сукном стены подействовали на нее успокаивающе, а лукавая улыбка обаятельного парня в синем пуловере и кожаных брюках, небрежно принявшего номерок из рук пухленькой гардеробщицы и теперь смотрящего в зеркало на Настю, настроил на оптимистический лад. У парня были черные волнистые волосы, открывавшие покатый лоб, немного широковатый нос, гладкая смуглая кожа и красивый дерзкий рот. Карие глаза лучились затаенной симпатией и веселым азартом.

Одарив незнакомца томным взглядом, Настя первой вошла в зал. Ей нравился этот ресторан, его немного тяжеловатый шик. В претенциозности интерьера было что-то старомодное и воркующее. Она знала, сколько усилий нужно приложить, чтобы отодвинуть массивный стул с мягким го-беленовым сиденьем с точностью, которая открыта скорее не разуму или чувствам, а самым простым ощущениям, открыта рукам, привыкшим к резным спинкам и немного шершавой поверхности дорогой ткани, рукам, чьи осязательные рефлексy незаметно перетекли и, подобно остывшей лаве, застыли в русле отточенного автоматизма.

Ее тихая, мечтательная улыбка, в которой присутствовали сладкая усталость и толика обычного разочарования, приобрела оттенок спокойной уверенности. В зале сидело всего три человека: пожилой дородный мужчина и странная парочка – смазливая, хорошо одетая блондинка с нетерпеливым выражением на лице и ничем не примечательный очкарик.

Настя села за столик у окна, так, чтобы можно было обозревать зал. Попавшийся ей в гардеробе парень приземлился в глубине зала. Теперь он не смотрел на нее. Он зевнул и взял со стола меню. Еще через секунду к Насте подошла высокая девица в белом переднике. Не глядя в меню, Настя заказала овощной салат, минеральную воду, цыпленка в белом вине и взбитые сливки. Потом вдруг поморщилась, подумав, что в целях поддержания стройности фигуры от такого десерта лучше отказаться, но менять ничего не стала. «Я трачу массу энергии, забавляя всех этих парней», – самодовольно подумала она и достала из сумочки зеркальце.

Улыбнувшись своему отражению, она скосила глаза на парочку. Мужчина, одутловатое лицо которого могло свидетельствовать о болезни почек, как, впрочем, и сердца, передал небольшой сверток блондинке. Та с небрежным видом приняла его и, открыв сумку, переливчатая кожа которой привлекла Настино внимание, достала небольшой кошелек. Передав мужчине деньги, она щелкнула замком и обвела зал высокомерным взглядом. Настю не обманул этот взор –

он был призван скрыть некоторую растерянность и тревогу. Нервные жесты выдавали блондинку. В ее судорожных движениях и гримасах было что-то от смутной вины и агрессии зажатого подростка.

Настя отвела глаза и снова непроизвольно улыбнулась. В этот момент очкарик суетливо поднялся со стула и быстро зашагал к выходу. Официантка принесла заказ. Настя скосила глаза на симпатичного брюнета. Он с индифферентным видом разглядывал стены заведения. Настя тихо хихикнула, непонимающе пожала плечами и протянула руку к фужеру с минеральной водой.

С первым глотком к ней почему-то вернулась мысль о Стереолопулосе, ее греческом клиенте. Она почувствовала странную щекотку в нижней части живота. Ее губы тронула плотоядная усмешка. Вслед за этим ее глаза снова нашли брюнета. Их взгляды встретились. Настя кокетливо опустила ресницы. Она нутром знала как понравится мужчине, но этот брюнет, казалось, вежливо игнорировал ее артистические пассы. Настя надула губки и, наклонив голову вбок, потерлась щекой о правое плечо.

Блондинка пыталась всем своим видом продемонстрировать скуку. У нее это, однако, плохо получалось. Нервозность давала о себе знать, и все старания смирить тревожные импульсы только оттеняли ее жаркие всполохи. Настя перевела взгляд с блондинки на брюнета. Парню тоже принесли заказ. Он протер вилку и нож салфеткой, но вместо того, что-

бы приняться за еду лукаво улыбнулся блондинке. Та не заметила этой адресованной ей улыбки, она была слишком поглощена своими думами. По ее кукольному личику пробежали тени, она хмурила брови, кривила губы, потом вдруг, как бы спохватившись, обводила зал рассеянным и в то же время торопливым взглядом и снова опускала глаза в тарелку.

«Тоже играет», – мысленно усмехнулась Настя.

Глотнув вина, брюнет неожиданно поднялся и, даже не взглянув на Настю, направился к блондинке. Настя почувствовала неприятное сосание под ложечкой и немедленно подцепила вилкой горку слипшейся капусты. Она почти ревновала. Настя со всей простотой, присущей многим проституткам, в том числе и дорогим, полагала, что она неотразима и была уверена, что стоит ей улыбнуться или томно взглянуть в лицо какому-нибудь олуху, как тот тут же воспламенится. Она путала свои профессиональные навыки с абсолютной способностью нравиться и возбуждать, присущей женщине вообще. Обилие мужчин, желающих лишь переспать с ней, она наивно отождествляла с когортой сказочных принцев, жаждущих отдать за нее жизнь. Холодный прагматизм и рассудительность поразительным образом сочеталась в ней с инфантильной уверенностью в собственной неотразимости и романтическими бреднями а ля Вальтер Скотт.

Поведение брюнета было прямым ударом по этой ее согревающей душу убежденности в собственной оболъстительности. Охваченная беспокойством блондинка, значит, суме-

ла вызвать к себе интерес, а она, яркая и уверенная в себе – нет! Неслыханно!

Увидев парня, блондинка как-то растерянно заморгала. Потом вдруг все ее красивое и спесивое лицо застыло и уподобилось каменной маске. До Насти долетели отголоски обычного в такой ситуации разговора. Она поняла, что брюнет просит разрешение сесть за столик блондинки. Та отвечала с жеманной неопределенностью, по крайней мере Насте так показалось. В конце концов парень устроился за столом, наплевав на свой остывающий обед.

Поняв, что эта маленькая битва проиграна, Настя принялась за цыпленка, стараясь не смотреть на свежесформировавшуюся парочку. Когда от цыпленка остались, как говорится, рожки да ножки, она все же бросила взгляд в сторону молодых людей. К ее немалому и какому-то злорадному удивлению, блондинка мило и покладисто улыбалась, внимая сладким речам парня. Тот держался любезно и немного отстраненно, что не мешало ему кидать горячие взгляды на свою собеседницу. Настя почувствовала себя задетой за живое и попробовала сосредоточиться на сильном и гибком теле своего «греческого» клиента, которого упорно про себя называла любовником.

Но что-то ей мешало, отвлекало и нашептывало, что Стереопулос – дело прошлого, о его завоевании теперь не могло идти речи, хотя порой он вежливо избегал ее, и тогда ей приходилось «напоминать» о себе. Настя знала, что неде-

ля-другая – и Георгий вновь окажется с ней в постели. Она чувствовала в себе амбициозную завоевательницу мужских сердец, не отдавая себе отчета, что это ее хлопотное пристрастие из-за общей неразвитости умственной и душевной жизни приобрело черты шаржа. И потому порой она испытывала дискомфорт, не ведая причин недовольства собой и окружающими.

* * *

– Я часто прихожу сюда, но ни разу вас не видел, – melancholically произнес Денис.

Вначале Оксана, находясь под впечатлением услышанного, не хотела разговаривать с этим самоуверенным типом. Потом, слово за слово, разговорилась, узнала, как его зовут, чем он занимается. Денис работал менеджером в фирме, название которой тут же вылетело у нее из головы, едва ее собеседник произнес его. Тем более по собственному опыту она знала, что в наше смутное время нельзя верить словам, что в городе полным-полно разных частных лавочек, которые при первом знакомстве оказываются чистой фикцией. Внешность парня, его манера разговаривать как-то сами собой отодвинули в тень его трудовое поприще.

Оксана предпочитала не засорять свою память ненужными сведениями, она была вполне чувственной особой, реалисткой в самом примитивном смысле этого слова, и пото-

му довольствовалась видимым, осязаемым. Даже Интернет, про который столько всего говорят, в возможности которого так неистово верят, казался ей чем-то сказочно-нереальным и далеким, пока она не узнала, что одна из ее подружек нашла себе зажиточного американца, прибегнув к услугам компьютера. Оксану представили этому немолодому, но богатому дяденьке, имеющему во Флориде «скромную» виллу и приехавшему за Олей, и тогда диковинное слово «Интернет» заиграло в Оксанином воображении всеми цветами радуги и многообещающих перспектив для простых городских девушек.

Когда прошел первый шок после знакомства с Интернетом, она стала осваивать его изо дня в день. Нет, она не стала путешествовать по сайтам, она даже не садилась за Юрин компьютер, просто стала медитировать на тему «Интернет и женское счастье», мобилизуя все свои умственные и душевные способности, дабы свыкнуться с присутствием четвертого измерения, как она тут же окрестила эту диковинную штуку, в нашей жизни.

Юра не раз говорил ей, что, освоив Интернет, она могла бы блуждать по бесчисленным европейским бутикам. Но до Оксаны все это как-то не доходило. Она предпочитала реально шелестящие бумажки, шмотки, которые могла тут же ощупать и примерить. А вот когда Ольга Лаврова нашла своего американца, что-то моментально сдвинулась в Оксаниных мозгах.

Оксана слегка улыбнулась, не поднимая глаза, и небрежно сказала:

– Я, честно говоря, здесь впервые, и нахожу, что ресторан совсем не плох.

– Вполне с вами согласен, – стал вдруг на удивление церемонным парень.

– Ваш обед остывает, – углами губ улыбнулась Оксана.

– Я совсем про него забыл... увидев вас, – смущенно добавил Денис.

Но его выдали губы. Они растянулись в подобие насмешливой улыбки. Оксана не заметила этого оттенка, упоенная впечатлением, произведенным ею на «бедного» юношу.

– Правда? – с наивным кокетством спросила она.

Денис ограничился наклоном головы. Потом его глаза вспорхнули точно две черные птицы и свили гнездо на Оксанином лице. Она передернула плечами, чувствуя, что не знает, что сказать и как вообще себя вести.

– У меня есть предложение... – кашлянул Денис.

Он слегка повернулся, машинально, не желая того, и встретился взглядом с красивой брюнеткой, сидящей у окна. Ее пухлые губы приоткрылись и снова сомкнулись, демонстрируя игривое пренебрежение. Она наблюдала за Денисом и его новой знакомой, снисходительно, почти равнодушно. А ведь эта роскошная девица так откровенно дала ему понять в гардеробе, что непрочь была бы с ним познакомиться! Денис снова улыбнулся, сознавая, что нравится женщинам.

– Боюсь, вы не за ту меня принимаете, – перехватила его заинтересованный взгляд Оксана, – я не из тех, кто...

– Я это понял сразу, – лениво произнес Денис, снова впиваясь в Оксанино лицо пронизательным взглядом.

– Вот и прекрасно, – надменно улыбнулась Оксана.

– Вы замужем? – неожиданно спросил Денис.

– Какое вам дело? – недовольно поджала губы Оксана, чувствуя, как на нее накатывает раздражение.

– Так, просто спросил, – беззаботно пожал плечами Денис, выпячивая нижнюю губу, – у меня есть территория...

– Это сейчас так называется? – усмехнулась Оксана, горя желанием поставить этого молодого нахала на место и поиграть в этакую сдержанную леди.

– По-моему, вы...

Сотовый, противно запищавший в ее сумке, не дал Денису закончить фразу. Оксана вздохнула, достала трубку и поднесла к уху.

– Да.

Сипловатый Юрин баритон тупо ударил в барабанные перепонки.

– У меня есть к тебе предложение, – буркнул Юра, интонацией демонстрируя, что Оксана должна немедленно согласиться.

«И этого тоже прорвало на предложение», – сардонически усмехнулась Оксана. Проглотив свое недовольство и раздражение, она выдержала паузу.

– Ты сама мне об этом как-то говорила. Ты слушаешь меня? – нетерпеливо спросил Юра.

– Да, – на выдохе ответила Оксана.

– Тогда эта идея не покажется тебе странной, поверь, она стоит того, чтобы быть реализованной...

Оксана терпеть не могла, когда Юра разговаривал с ней официальными клише, которыми пользовался в офисе. «Реализованной», – зло передразнила она его про себя и закатила глаза.

– Сгораю от нетерпения, – Оксанина ирония была притуплена сознанием, что именно Юра ее кормит и одевает.

Выслушав мужа, Оксана ничем не выдала своего удивления или несогласия. Только вяло ответила, что должна все-таки подумать.

– Ха-ха! – Юра явно веселился, – а я, честно говоря, был уверен, что ты меня куда подальше пошлешь.

Оксана знала, что он кокетничает. Он, Юра, тоже прекрасно знал, кому Оксана обязана красивой беззаботной жизнью.

– Ну что ты! – Оксана вдруг почувствовала себя способной составить план мести. – Ты ведь помнил, что эту идею подкинула тебе я. Возможно, это немного нас разогреет.

Ее спокойный голос для нее самой явился откровением. Неожиданно она взяла себя в руки и, загнав свое возмущение мужниным поведением в глубь души, решила подыграть ему.

– До вечера, – скупно простилась она. – Представьте себе,

у меня к вам тоже предложение, – обратилась она к равнодушно внимавшему ее телефонному разговору Денису.

– Любопытно, – вскинул он брови.

Его губы улыбались, в глазах таился искренний интерес.

– Вы можете составить мне компанию?

* * *

Пресытившись шушуканьем парочки и проглотив обед, Настя уже хотела попросить расчет и покинуть ресторан, как увидела, что ее опередила блондинка. Бросив на скатерть скомканную бумажку и белозубо улыбнувшись на прощанье брюнету, она направилась к выходу. Настя повернула голову. За окном блондинка, облаченная в голубую шубу, открывала дверцу красной «Нексии». Голубой и красный цвет ударили Настю по глазам, ей даже показалось, что от такой яркости у нее вот-вот выступят слезы и сведет скулы.

«Чокнутая», – мысленно усмехнулась Настя и скользнула взглядом по брюнету. Его лицо не выражало ничего, кроме усталого разочарования. Он отрешенно смотрел в пространство. Настя подозвала официантку, чтобы заплатить за обед. Та не спеша приблизилась к столику, кидая недоуменные взоры на брюнета и его остывший обед. Настя положила на стол две сотенных купюры, добавила еще пятидесятирублевку и, с небрежным видом поднявшись, пошла из зала.

В гардеробе она приняла из рук темноволосой девицы

свою «чернобурку» и уже хотела было просунуть в один из рукавов руку, как шубу кто-то подхватил.

– Прошу, – точно выросший из-под земли брюнет загадочно улыбался, держа ее манто.

– Спасибо, – холодно поблагодарила Настя, надевая шубу.

Парень протянул номерок гардеробщице, взял куртку и, быстро надев ее, последовал за Настей, которая уже открывала дверь.

– Вас подвезти? – он кивнул на покрытую инеем «девятку».

Настя хотела было отказаться, но передумала. Любопытство и женский интерес взяли верх над гордостью. «Почему бы не покуражиться?» – в стиле героини-злодейки из бразильского сериала подумала она.

– Козьма Прутков, кажется, сказал: «Невозможно объять необъятное».

Она хитро улыбнулась. «Стал бы этот молодчик обхаживать меня, если бы та блондинка пришлась ему по вкусу!» – мелькнуло в ее тщеславной головке.

– Нет ничего более чуждого мне, чем стремление объять необъятное, – шутливым тоном ответил брюнет. – Меня зовут Денис, а вас?

– Настя, – приподняв подбородок и сощулив глаза, сказала Настя. – Вам не повезло с той фифой? Или вы хотите...

– ...объять необъятное?

– Да, – гордо обронила Настя.

– Нет, я всегда выбираю, – сдержанно улыбнулся Денис.

– И вы выбрали меня? – насмешливо взглянула на него

Настя. – Чем же вас не устроила та леди?

– Она фригидна, – не повел и бровью Денис.

– Вы прорицатель?

– Экстрасенс, – засмеялся Денис, обнажая острые белые зубы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Попробуй мне это объяснить, – Руденко уселся в кресле, в котором Милославская обычно принимала клиентов, только развернул его в другую сторону.

Яна устроилась в кресле напротив.

– Чего ты от меня хочешь, Семен? – Яна достала сигарету и закурила, выпуская дым вверх. – Я ее не помню. Ко мне каждый день приходят люди. Не скажу, что они идут толпами, но я не могу упомнить всех. Иногда бывает по пять человек в день.

– Да, да, – Руденко кивнул и снова затянулся, пытаясь сделать из дыма кольцо, – только у нее оказалась твоя визитка, вот в чем дело.

– Семеныч, – пожалала плечами Милославская, – я же говорю тебе, что раздаю их направо и налево. Я просто не могу запомнить всех своих клиентов.

– Сегодня тебе придется постараться, – не отставал лейтенант. – Если, конечно, хочешь поскорее от меня отделаться.

– Ну ладно, – собралась Яна, – опиши ее хотя бы...

– Блондинка, – выпятил губы лейтенант, – стройная, но склонна к полноте, стремится хорошо одеваться, в общем, такая фифа, вся из себя...

– В голубой искусственной шубе? – подняла на него глаза Милославская. – Оксана, кажется...

– Про шубу ничего не знаю, – Руденко выпустил дым и стряхнул пепел в пепельницу, – когда ее нашли, она была в одном тоненьком платице, на ней даже трусов не было, хотя шуба в гардеробе, кажется, была...

– Не понимаю, – Милославская пожалала плечами, – от меня-то ты чего хочешь?

– Была она у тебя или нет? – посерьезнел лейтенант. – И чего хотела?

– Хотела приворожить своего собственного мужа, – вспомнила Милославская, – только я ей отказала. Ты же знаешь, я этим не занимаюсь. У тебя все? – Яна поймала себя на мысли, что Руденко начал ей надоедать.

Иногда с ним можно было пообщаться, поговорить по душам, но частенько он начинал действовать ей на нервы. Наверное, своей прямоотой... Или простотой...

В принципе, не такой уж он простой, Руденко Семен Семенович, лейтенант уголовного розыска, разыскавший не один десяток преступников. Усатый, румяный, кровь с молоком, как говорится, в глазах этакий лукавый огонек...

Иногда Яна даже развлекалась тем, что делала попытку думать о нем, как о мужчине. То есть, размышляла, как бы это было – лечь с ним в постель. Его стать, его мускулы, некоторая тяжеловатость походки, увесистая полнота жестов, неторопливость и прочее делали из него настоящего мужика – предмет вожделенного внимания русских женщин.

И все-таки не вырисовывался он в ее глазах в качестве

мужчины – как ни верти и не старайся. Яна всех мужчин теперь разделяла на тех, кто был у нее до мужа и после. Всякие были... И не скажешь, что много. Но вот настоящее удовлетворение получала она только от мужа.

Она и это пыталась анализировать. Что значит настоящее? Ну, трахает тебя мужик как следует, это же не есть полное удовольствие. Хотя многих именно это и устраивает. Была в ее муже какая-то изюминка, что-то такое, чего хотелось постоянно и чего нельзя было забыть. Может быть, нежность или какая-то тонкость?.. Яна не понимала этого, но забыть не могла. Она смотрела на Руденко, на его потуги казаться мужчиной, мужиком, но не находила в нем той душевности и радости, которую ей дарил муж.

– Она выглядела нормальной? – Руденко загасил сигарету и снова выпятил губы. – Ну, ты меня понимаешь...

– Не менее нормальной, чем мы с тобой, – медленно произнесла Милославская, – если я правильно понимаю, что ты имеешь в виду... Она пришла ко мне примерно неделю назад и попросила приворожить собственного мужа. Ну, я, естественно, отказалась, я этим не занимаюсь, ты знаешь. Была она немного взвинченной, но мне это показалось нормальным, принимая во внимание ту ситуацию, о которой она мне рассказала...

– И о чем же она тебе рассказала? – встрепенулся Руденко.

– Да ничего особенного, – Яна бросила недокуренную сигарету в пепельницу. – Ее муж, который обеспечивает ее

жизнь, стал погуливать на сторону. Во всяком случае, так она мне сказала. Заявила, что у нее есть неопровержимые доказательства его измены. Я ей попыталась объяснить, что в изменах мужа может быть виновна она сама, но она и слушать меня не захотела. В принципе, я не психоаналитик, и не мое дело – копаться в человеческих отношениях. Но на ее месте я бы не стала обращаться за помощью к кому-то, а попыталась бы исправить ситуацию сама.

– Ну, конечно, сама, – насмешливо протянул Руденко. – Если бы она могла что-то делать сама, не стала бы обращаться к тебе. Такие дамочки только и могут, что выбирать шмотки да побрякушки.

– Ну, раз ты о ней все уже знаешь, зачем же ты пришел ко мне? – пожала плечами Милославская.

– Не кипятись, Яна Борисовна, – поморщился Руденко, – пришел, значит нужно.

– Да что, вообще, случилось-то с этой красоткой? – Яна закинула ногу на ногу, чувствуя, что Руденко так просто от нее не отстанет.

– Они там, похоже, устроили оргию, – начал объяснять Руденко, – ну, в их загородном доме. Жируют, сволочи, бесятся от шальных денег. Короче говоря, когда мы туда приехали, там в живых было двое, да и из них с трудом мог говорить только один – Денис Гулько – он же и позвонил в милицию. Санталов – это муж Оксаны – с простреленным горлом валялся рядом с ложем, где это все у них происходило...

– Избавь меня от подробностей, пожалуйста, Семен, – покачала головой Яна, – я этого не люблю.

– Можно подумать, – поморщился Руденко, – что мне это все очень нравится. А куда деваться? Жизнь такая, мать ее...

– Ладно, ладно, – прервала дальнейшее словоизвержение Руденко Милославская, – а что с Оксаной?

– Она в коматозном состоянии, – вздохнул Семеныч, – может, вообще не выживет. Врачи говорят, что даже если останется жива, то нет гарантии, что будет соображать как прежде.

– Понятно, – кивнула Яна Борисовна. – Так это Денис их, что ли, пристрелил? Ревность?

– Да нет, – с досадой воскликнул Три Семерки, как Руденко за любовь к одноименному портвейну называли сослуживцы, и, достав новую сигарету, с удовольствием затянулся, – Дениса тоже ранили, но легко – только плечо повредили.

– Значит, – поторопилась в выводе Милославская, – стрелял четвертый участник вечеринки?

– Не совсем так, – теперь уже довольный, что его не сразу разгадали, Руденко развалился в кресле. – Участников вечеринки, действительно, было четверо. Санталов, Оксана – его жена, Денис Гулько и еще одна девушка – Настя Парамонова – проститутка по вызову.

– Ну и каша там была, – насмешливо вставила Милославская, – действительно, бордель какой-то. За что же она в них

стреляла? Что-то не похоже это на действия проститутки.

– Вот это нам и предстоит выяснить, – Руденко выпятил губы и провел открытой ладонью по пышным усам пшеничного цвета, – на кой черт она их хотела пристрелить?

– А сама-то она что говорит? – поинтересовалась Яна.

– Сама-то она ничего не говорит, – вздохнул Три Семерки, – незадолго до трагедии или сразу после она куда-то исчезла.

– Так, может, это и не она вовсе? – наморщила лоб Милославская. – Мало ли кто мог...

– Да кто, кто? – задергался Руденко, повысив голос почти до крика. – Дом стоит на отшибе. Туда даже от трамвайной остановки минут пятнадцать пилить нужно. Кому это придет в голову тащиться на окраину города, чтобы подстрелить этих извращенцев?

– А что, – Яна пожала плечами, – судя по твоим словам, место для этого вполне подходящее.

– Я тебя не об этом спрашиваю, – махнул рукой Руденко, – убила проститутка, это и ежу понятно. Нужно только найти ее и вся недолга...

– Так ищи, – Яна поднялась с кресла и направилась на кухню, бросив через плечо: – Чего ж ты ко мне-то притащился? Кофе будешь?

– Давай, – согласился Три Семерки. Он тоже встал и двинулся следом за Милославской.

Джемма – среднеазиатская овчарка Яны, которая до тех

пор спокойно дремала у ног хозяйки, с невозмутимым видом потянулась всем телом и поплелась за лейтенантом. Хотя Руденко случалось заходить иной раз к Милославской, и с собакой был знаком, Джемма признавала за свою только Яну и всегда держала ее в поле зрения, чтобы в любой момент прийти на помощь. Если, конечно, это потребуется. Пока Милославская готовила кофе, а Руденко стоял в дверях, опершись плечом на косяк, Джемма растянула свое могучее тело на коврике, без особой настороженности, но с обычным собачьим любопытством поводя купированными ушами.

– А притащился, как ты выразилась, я к тебе вот зачем, – невозмутимо продолжил Руденко. – Постарайся вспомнить, не говорила ли тебе чего Оксана Санталова? Я имею в виду, – добавил он, – чего-нибудь такого, что могло бы нас вывести на след?

– На чей след, Сема? – Яна поставила джезву на огонь и принялась помешивать содержимое, не глядя на Руденко.

– Да на след этой гребаной проститутки, – раздраженный Яниным непониманием, лейтенант снова повысил голос.

– Ну, во-первых, еще не факт, что убийство совершила именно Настя, – Яна следила как поднимается в джезве золотисто-коричневая пена. – Как, ты сказал, ее фамилия? Парамонова?

– Парамонова, Парамонова, – подтвердил Три Семерки, – а во-вторых что?

– Во-вторых, – Милославская разлила кофе по чашками

и одну протянула лейтенанту, – думаю, стоит попробовать съездить к ней домой.

– Ох ты, какая умная, – съязвил Руденко, принимая изящную фарфоровую чашечку, – были уже у нее дома. Только нету там никого.

– Соседей не расспрашивали? – Яна проскользнула со своей чашкой мимо Руденко, все еще стоявшего в проходе.

– Слушай, Яна Борисовна, – лейтенант снова перешел на более официальный тон, устроившись в своем кресле, – я свою работу знаю. Не пытайся меня контролировать. То, что требовалось от нас, мы сделали. Никто Анастасию Парамонову не видел дома со вчерашнего утра, вернее, с обеда, когда она вышла из своей квартиры. Это только лишний раз подтверждает ее виновность. – Ты лучше вспомни, о чем тебе рассказывала Санталова? Может, упоминала какие-то имена или адреса? Меня интересует абсолютно все. Уверен, если ты постараться – обязательно что-нибудь вспомнишь.

– Господи, Семеныч, – Милославская смаковала горячий кофе – пила его мелкими глотками, пытаясь не обращать внимания на надоедливового посетителя, – ну сам подумай, какие имена? О чем ты говоришь? Разве люди приходят ко мне, чтобы рассказывать про кого-то? Они хотят слушать о себе и только о себе. Да и не нужны мне никакие имена.

– А все-таки? – не отставал Три Семерки.

– Беспредметный разговор, – скептически улыбнулась Яна, – могу только на картах раскинуть, а так...

– Эхе-хе, – Руденко почесал затылок, – ну, раскинь...

Он выжидательно смотрел на Милославскую.

– Вообще-то я на сегодня запланировала выходной, – лукаво улыбнулась Яна, – да и не веришь ты в мои карты.

– Так вот с ходу не могу сказать, что не верю. Я ж не первый день тебя знаю, – Руденко отхлебнул кофе.

Этой уклончивой фразой Руденко желал замаскировать то ощущение растерянности, которое всякий раз возникало у него, когда Янино гадание подтверждалось жизненными реалиями. Полностью согласиться с Милославской он не мог, иначе был бы вынужден признать существование «заоблачных сфер», как именовал он обиталище Духа, и плюс еще расписаться в собственной некомпетентности. Их отношения с Яной развивались в русле насмешливого недоверия, редких компромиссов и дружеского зубоскальства. Руденко как бы исподволь соглашался с пророчествами Яны, требуя непременно жизненной проверки «всех этих бредней», как в первый год их знакомства именовал он практику экстрасенса. Яна в общении с Руденко усвоила терпеливо-ироничный тон и сохраняла ему верность на протяжении всего времени, в течение которого была знакома с лейтенантом.

– Ладно, попробую, – Яна допила кофе и, встав, прошла за занавес, где у нее находилась «творческая лаборатория».

Там было много интересного. Сувениры, значение которых были открыты лишь хозяйке, соседствовали с ценными книгами по философии, теософии, астрологии, магии, мен-

зурками с дорогими маслами и экстрактами редких растений, китайскими веерами и картинами. На небольшом, покрытом черным лаком столике возвышалась копия роденовской скульптуры – две переплетенные руки. Этот символ отображал практикуемую несколько лет назад Яной методику – она снимала напряжение и «отводила» болезнь руками. Теперь она использовала карты, изобретенные ею самой. Они помогали ей настроиться на восприятие энергии, образного ряда, эмоционального настроения клиента, помогали порой увидеть находящийся на расстоянии объект. Она рисовала карты, с каждым штрихом приближаясь к той черте, за которой карта начинала «работать». Прорыв к этой черте и выход за нее означали все возрастающее умение сконцентрировать свою внутреннюю энергию на достижении поставленной цели.

В то время, как одни карты функционировали в обычном, так сказать, рабочем режиме, другие еще только творились, с каждым рисунком, деталью, линией, обращением к ним принимая все более четкие очертания, все более яркий узор, все более сильную энергетику. Они «оттачивались», подобно инструментам в руках мастера. Это творчество вполне могло выдержать сравнение с работой художника, день за днем наносящим на полотно серию мазков, пока холст не засияет во всю свою выразительную мощь. Сотни расчетов, прикидок, усилий, попыток...

Яна достала с полки колоду и вернулась в зал. Она заста-

ла Руденко за разглядыванием статуэтки китайской богини мудрости, стоявшей на книжной полке меж двумя толстыми, изборожденными иероглифами декоративными свечами. Он со смесью восхищения и крестьянского недоверия крутил в руках раскрашенную в тонкие пастельные тона фигурку.

– Что-то я раньше у тебя этой девчонки не видел, – улыбнулся он.

– Привезла из Парижа, – Милославская села на свое место, – я смотрю, она так тебя заинтересовала, что ты даже забыл кофе допить, – пошутила она. – Это керамика, покрытая эмалью. Воспроизводит статуэтку, относящуюся ко времени династии Тан.

– Чего? – поднял глаза Руденко. – А-а, – многозначительно протянул он, не желая выставлять себя необразованным простофилей. – Тан, говоришь?

Он поставил сувенир на полку и сел в кресло. Милославская положила колоду карт на столик.

– Постарайся быть кратким, – с легкой усмешкой сказала она, зная о часто посещавшем Руденко косноязычии. – Что ты хочешь узнать?

Руденко с сосредоточенным видом почесал в затылке. Потом потер подбородок, прошелся широкой ладонью по усам и заговорил, смущенно и доверительно понизив голос:

– Прежде всего я хочу выяснить, где сейчас находится эта Настасья, едрит ее налево...

– Понятно, – усмехнулась Милославская, доставая карту

«Взгляд сквозь пространство».

Она накрыла своей сверхчувствительной ладонью глянцевый картонный прямоугольник, почти физически ощущая, как глубокие трещины во льду, изображенные на рисунке, жгут кожу. Она закрыла глаза, и озадаченная физиономия Руденко поплыла розовым облаком за горизонт, пока не исчезла, растворившись в сизом клубящемся тумане. Рваные края мгlistых хлопьев начали вытягиваться в серые нити, оплетающие черное сквозное пространство. Постепенно они истончились до такой степени, что превратились в едва уловимую для взгляда паутину. И вот под ней стали проступать контуры иного топоса. Яна запрокинула голову, подчиняясь магнетизму новой яви, открывшейся перед ней и словно требующей иного положения для ее мгновенно побледневшего лица.

Сначала она увидела дымное кольцо холмов с темными искривленными силуэтами. Она поняла, что это деревья. Потом ее очам явилось черное пятно. Оно медленно наплывало, пока не «материализовалось» и не приняло очертаний дома. Яна сделала внутренне усилие и рассмотрела, что дом деревянный, одноэтажный, немного покосившийся, словно врытый в подтаявший снег. Безлюдный двор с двумя аккуратными белыми прямоугольниками – Яна «узнала» в них огород – производил унылое впечатление. Тропинки не было. В снегу темнели следы.

Яну словно кто-то вел за дом, она погружала ноги в глубо-

кие овалы, проторенные в снегу, и шла, огибая стены строения. Снег не хрустел, он был мокрым, в синих рытвинах хлюпала вода. Она дошла до угла и остановилась, чувствуя невероятную усталость. Ноги ее точно увязли в строительном растворе. Он быстро схватывался, не оставляя возможности двинуться дальше. Яна оперлась на какой-то выступ, тяжело согнувшись и глядя в землю. Потом повернула голову – вдалеке теснились дачи. Она почувствовала страшную резь в глазах, головокружение и тошноту. Колени дрожали, по спине струился пот. Вскоре перед глазами повис темный непроницаемый полог.

Яна приоткрыла веки: комната с сидящим напротив нее Руденко медленно вращалась. Она шире открыла глаза, вращение прекратилось. Секунду она не узнавала Руденко.

– Ну что? – заинтересованно спросил он, увидев, что Яна вышла из транса.

– Она где-то за городом, – обессиленная, Яна снова прикрыла глаза. – Что-то со мной не так, – вздохнула она, – чувствую, вторую карту мне «открыть» не удастся. По крайней мере, сегодня.

– А поточнее не скажешь? – с надеждой посмотрел на нее Три Семерки.

– В городе ее нет, это точно, – Яна закурила, Руденко последовал ее примеру.

– Понимаешь, мне нужно больше времени... нужно войти в режим... Когда я включаюсь в какое-то дело, решаю ка-

кую-то задачу, постоянно думая над разгадкой, тогда внутри меня что-то просыпается. Подсознание даже, скажу тебе, больше задействовано в этом процессе. И вот когда я обращаюсь к карте, накопившаяся во мне энергия, не просто заряд или импульс, а энергия, уже текущая по нужному руслу, активизируется, позволяя карте «работать» на полную катушку. Понимаешь?

Руденко разочарованно мотнул головой.

– Дай мне передохнуть. Я попробую еще.

Три Семерки вздохнул, грустно улыбнулся, стараясь приободрить Яну и в то же время выражая здоровый скепсис. Несмотря на разочарование он чувствовал изрядное облегчение, думая про себя: «Ну уж если экстрасенс не может...»

– Настя в каком-то деревянном доме, кругом снег, холмы, дачи, – Милославская пускала кольцо дыма за кольцом, – больше пока ничего сказать не могу.

– Сбежала... определенно сбежала, – оживился Три Семерки. – Значит, это она.

– Может, и она.

– Интересно было бы узнать, как все это там, у Санталовых было, – Руденко вылил в рот остатки остывшего кофе.

– Постараюсь «заглянуть» в прошлое. Но не сейчас. И это последнее, что я сделаю для тебя, – она строго посмотрела на лейтенанта. – Это меня не касается. У меня завтра клиент, у него мать серьезно больна. Мне нужно беречь силы...

– Я тебя понимаю, – недоверчиво качнул головой Три Се-

мерки, – дело-то ясное. Остается только эту су... – Руденко осекся.

Милославская укоризненно взглянула на него.

– Сема, ты же с дамой разговариваешь!

– Извини, Христа ради, – виновато улыбнулся Руденко. –

Ты мне помогла.

– Да ничего такого я тебе не сказала, – с досадой произнесла Яна. – Если что-то прояснится в моей усталой голове, я тебе позвоню, идет?

– Ладушки, – лейтенант поднялся с кресла. – Только все-таки мотив мне не ясен...

– Опроси соседей, наведи справки, – снисходительно улыбнулась Милославская, – не мне тебя учить. И потом, ты же беседовал с этим, как его...

– Гулько?

– Да. Что он говорит?

– Говорит, что стрелял кто-то в маске, невысокого роста.

Выскочил из коридора и давай палить!

– А где в это время находилась Настя?

– В комнате ее не было, – Руденко сощурил правый глаз, – или она сама стреляла, или ее сообщник, если таковой был.

– Если она сама стреляла, – закинула ногу на ногу Яна, – то зачем ей маску надевать?

– Черт ее знает! – чертыхнулся Руденко.

– Гулько ни о каком скандале или ссоре на вечеринке не рассказывал?

– Да нет. Сказал только, что Настя незадолго до этой пальбы с Санталовым в соседней комнате уединялись. Их не было примерно полчаса. Может, у них свои разборки какие-то?

– Да уж, с чего проститутке клиента убивать? Если только он сам не вынудил ее, – лукаво взглянула на Руденко Яна. – Может, он знал ее не один день, жестоко с ней обращался, у девушки накипело, и она решила его и его жену к стенке поставить?

– А хрен... ой, прошу прощения, – Руденко умоляюще посмотрел на Яну.

– А сам этот Гулько кто? – Яна уже простила Руденко.

– Говорит, случайно с Оксаной познакомился, и она спустя несколько дней пригласила его к себе в загородный дом.

– Он был ее любовником?

– Он это отрицает, – скептически улыбнулся Руденко, – но я-то думаю, что трахался он с ней.

Милославская поморщилась.

– То есть спал, – поправился Три Семерки.

– Иначе зачем знакомился? – намекаяще улыбнулась Яна.

– Сказал, что Оксана пригласила его на вечеринку, не скрывая, что там будет групповуха, – поиграл округленными бровями Три Семерки.

– Вот как? – Яна затушила сигарету в пепельнице.

– Парень прореагировал нормально – видать, хотелось нервишки себе пощекотать. Как там его... а, адреналин! – ударил себя по лбу Руденко.

– А как он тебе, этот Гулько?

– Да ничего, перепуган малость, – хохотнул в усы Три Семерки. – Оно и понятно: расслабился, а тут выскакивает кто-то в маске и давай свинцом поливать!

– Ты его про Настю спрашивал? Как она себя вела и так далее?

– Представь себе, – состроил рожу Три Семерки, – нормально вела, только на полчаса с Санталовым уединялась. А так... – он пожал плечами.

– Значит, Гулько никого из присутствующих на этой вечеринке толком не знал. – Яна закурила новую сигарету.

– Выходит, что так.

– Он серьезно ранен?

– Да нет, скоро выпишут, – Руденко загасил сигарету в пепельнице и выпятил губы, медленно раскачиваясь из стороны в сторону. – Не пойму, зачем мужику ромашку устраивать, – вернулся он думами к Санталову, – ну, надоела тебе твоя жена, уединись с бабой, трахни ее... прости... да чего уж! – махнул он рукой, – ты ж не маленькая. Так вот, – вздохнул он, – проведи время, да к своей возвращайся. Какого хре... ну, какого черта надо было бля... разврат такой позволять? Извращенец! Вот и получил!

– Ты что же это, Сеня, злорадствуешь? – насмешливо спросила Милославская.

– Жа-ле-ю, – растягивая, произнес Руденко, – сам убит, жена ранена так, что боюсь, как бы коньки не отбросила, па-

рень тоже ранен. А эта проститня куда-то сдернула! Мне бы только до нее добраться!

– Не такая уж это простая история, поверь моей интуиции, – резюмировала Яна, – ну...

Она бросила на лейтенанта выразительный взгляд.

– Должен тебя оставить.

Руденко шутливо отдал честь и ретировался, успев потрепать Джемму по высокой холке. Собака проводила его до прихожей и, после того, как Яна заперла за Руденко дверь, вернулась с хозяйкой в гостиную.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ее мысли, как только она опустилась в кресло, снова запрыгали вокруг этого убийства, весьма странного, надо признать. Она хотела дать себе отдых, ей необходимо было расслабиться и обо всем позабыть перед завтрашним приемом, но какая-то ее часть, помимо ее воли, полностью увязла в этой истории, показавшейся ей поначалу банальной. Ее взгляд непроизвольно скользнул по лежащей сверху колоды карты «Джокер». Карта была опалена, ущербна, порой она ставила Яну в тупик, преподнося ей сюрприз за сюрпризом. Но плюсом было то, что работая с этой картой, Яна тратила в два раза меньше энергии, чем при обращении к любой другой карте. Карта таинственно переливалась, искусительно мерцала глянцевитой поверхностью, обещая разгадку всех загадок. Яна улыбнулась, будто отвечала на хитрую усмешку полумесяца, с верхнего рога которого свисали шутовские бубенчики.

– Тебе не терпится удивить меня, – постучала она пальцем по карте, – опять что-нибудь невразумительное и мудрое. Снова хочешь поводить меня за нос?

Она накрыла карту ладонью. Закрыла глаза и, сосредоточив все свое внимание на рассказанной Руденко истории, откинулась на спинку кресла. Сначала перед ее глазами плыл только иссиня-черный мрак, потом он стал покрываться па-

тиной золотистых кружков. Пространство высветлялось на глазах, к золотистой гамме добавилась разбрызганная лазурь. Вскоре голубой оттенок стал тускнеть, пока перед внутренним взором Яны не возникла серая завеса.

Она чувствовала, что это даже не завеса, а стена, ощущала недоступную твердь, каменное сопротивление материала. И тут на его бледно-сером цвете мелькнуло что-то белое, выпуклое и такое же твердое. Яна напряглась, стараясь «отмотать пленку» назад. Она стала медленно, затаив дыхание, пропускать фрагменты виденного сквозь временной желоб. Нет, это ей было не под силу. Она прикусила губу. Ее досада ослепила ее в буквальном смысле слова. Она уже ничего не видела, кроме белого сияния. Наконец она, точно на вагонетке, плавно и не торопясь «отъехала» в сторону.

И тут на неизменно сером фоне возникла крохотная ножка. Детская. В этом у Яны не было сомнения. Она едва не рассмеялась. Нога была согнута в колене. Пухлая, маленькая, хорошенькая коленка. Но в то же время Яна чувствовала, что пухлость эта обманчива, фальшива.словно кто-то хотел посеять в Яне восприятие этой ножки, как чего-то мягкого и безобидного.

Одновременно с этим к Яне пришло чувство тревоги. Рука слабо поблескивала. Яне даже на миг показалось, что она машет ей. Яна невольно улыбнулась. Картинка исчезла.

– Бред какой-то, – вслух произнесла Яна, выйдя из забвения, – не может быть! Как детская ручка связана с этим убий-

ством?

Она посмотрела на Джемму. Та тихонько повизгивала.

– На тебя это тоже подействовало? – усмехнулась Яна. – Или ты тревожишься за хозяйку?

Джемма кинула на Яну один из тех по-собачьи преданных взглядов, которые всегда вызывают у людей мурашки и заставляют их хотя бы на пару минут преисполниться любви и жалости к братьям меньшим.

Яна смешала карты. Ей не в первый раз приходилось довольствоваться завуалированным ответом «Джокера». Порой эти «подсказки» представлялись ей чистым бредом. И сейчас был один из тех случаев. «Мне действительно нужен отдых», – подумала она.

* * *

На следующее утро ей позвонил Руденко. Яна как раз готовилась принять посетителя. Она сказала лейтенанту, что ничего с картами не получается – не говорить же ему о том, что явил ей «Джокер». Он сочтет ее сумасшедшей! Поэтому она пожаловалась на полную неспособность быть ему полезной, по крайней мере сегодня. Руденко пробурчал что-то невразумительное, поблагодарил за готовность помочь и повесил трубку.

Яна приняла посетителя, сорокалетнего мужчину, мать которого страдала язвой желудка и которая находилась в

клинике, покормила Джемму и принялась за чтение. Но не успела она прочесть и страницу, как в гостиной раздался надоедливый телефонный звонок.

– Да, – Яна сняла трубку.

– Яна Борисовна? – услышала Яна грудной женский голос.

– Да, а кто говорит?

– Санталова Любовь Ивановна, – принесла женщина, и Яна различила в ее голосе сдержанное рыдание.

– Чем могу быть полезна? – искренне удивилась Яна этому звонку.

– Я нашла у невестки ваш телефон и хочу обратиться к вам за помощью, – всхлипнула Санталова.

– Слушаю вас.

– Мой сын... погиб... – дрожащим голосом произнесла Санталова.

– Я знаю. Дело ведет лейтенант Руденко. Он вчера был у меня. Я вам очень сочувствую, но...

– Он сказал, что знаком с вами. Я знаю, что вы расследуете преступления, – Санталова подавила всхлип. – Могу я на вас положиться?

– Я, конечно, очень благодарна господину Руденко за рекламу, но боюсь, что разочарую вас.

– Прошу вас, не отказывайте мне, – взмолилась Санталова, – я щедро оплачу ваши услуги.

– Но этим делом занимается милиция. Мне кажется, лейтенант Руденко на верном пути, или вы иного мнения? –

Яна была не склонна предпринимать расследование, она чувствовала себя не готовой к этому.

Вчерашнее разочарование, постигшее ее в связи с тем, что карты не могли активизировать скрытые в ней энергетические ресурсы, давало о себе знать. В настоящее время она лечила людей и была вполне довольна результатами. Две ее пациентки избавились от ревматических болей, лечение язвы третьей шло хорошими темпами. Язва рубцевалась. А тут это убийство!

– Помогите мне! – воскликнула Санталова, – мне нужно с вами поговорить. Вы все поймете!

Яна еще пару минут колебалась. В течение этого времени трубка рыдала и умоляла. Наконец Яна произнесла довольно сухо и деловито:

– Хорошо, приезжайте. Знаете мой адрес?

– Разумеется, – ответила Санталова, все еще всхлипывающая и подавленная.

Яна положила трубку на рычаг со смешанным чувством раздражения и удивления. Ее распирало от желания помочь, но становиться объектом манипулирования она не хотела. Нет, не то чтобы манипулирования, – вздохнула Яна, – скорее она не терпела быть понуждаемой как приказами, так и назойливыми просьбами. Ей хватало всех этих взбалмошных женщин, приезжавших к ней с требованиями и мольбами приворожить неверных мужей, насолить сопернице, вернуть возлюбленных, пославших их куда подальше, она уста-

ла встречать обманутых мужей дежурными репликами, вкладывая в них максимум терапевтического тепла, успокаивать великовозрастных любовников, сетующих на то, что молодые любовницы предпочитают им смазливых ветренных жиголо. Она вынуждена была себя защищать. Нет, не пистолетом или кинжалом, не газовым баллончиком или кастетом, а психофизическими методами, призванными не допустить откачивание у нее полезной, положительной энергии.

И тем не менее Яна согласилась. Размышляя над своим скоропалительным решением, она пришла к выводу, что сделала это исключительно из эгоистических соображений. Сейчас к ней приедет заплаканная, горящая женщина, которая потеряла сына, она, Яна ее утешит, скажет ей несколько теплых слов, посочувствует и мягко откажется от этого дела. Часто людям просто необходимо выплакаться или высказаться перед кем-то.

Яна взяла на себя нелегкую миссию психоаналитика, руководствуясь определенным расчетом: она сделает все от нее зависящее и сохранит себя для своих пациентов. Если Яна отказала бы Санталовой по телефону, она бы, возможно, в течение долгих часов мучалась угрызениями совести, досадуя на собственную черствость и невнимательность. Приняв же женщину у себя и спокойно объяснив, что ей, Яне, сейчас не до расследования, что у нее полно проблем и больных, она убедит ее довериться милиции, похвалит лишний раз Руденко, заверит ее в правильности действий последнего

и так далее и тому подобное.

Яна закусила губу. «Вот так эгоизм понуждает нас быть альтруистами, – невесело подумала она. – А, может быть, альтруизм – не что иное, как щит, за которым прячется наш эгоизм?»»

Яна размышляла обо всем этом и о многом другом, так глубоко погружившись в свои мысли, что раздавшийся в прихожей звонок показался ей расплывчатой серенадой ленивого шмеля. Звонок повторился. Яна вздрогнула. Поспешила открыть дверь. Джемма проявила живой интерес и, настороженно рыкнув, проследовала за хозяйкой.

На пороге стояла дородная дама средних лет в роскошной дубленке и песцовой шапке. Волос видно не было. Лицо женщины, одутловатое, с обвисшими щеками, изборожденное морщинами, изрядно наштукатуренное, выражало боль и растерянность. При виде собаки растерянность на ее онемевшем лице только возросла. Она немного отпрянула и выжидательно посмотрела на Яну.

– Джемма, фу! – скомандовала Яна. – Не бойтесь, она вас не тронет. – Свои, Джемма.

– Здравствуйте еще раз, – процедила дама, – это я вам звонила.

– Проходите, пожалуйста, – посторонилась Яна, пропуская посетительницу в прихожую и жестом приказывая любопытной Джемме освободить дорогу.

Собака по-прежнему загораживала проход.

– Я кому сказала! – прикрикнула на нее Яна.

Джемма подняла на хозяйку виноватый взгляд, в котором все же сквозила тайная укоризна. Я, мол, волнуюсь за тебя, а ты...

– Спасибо, – со вздохом ответила та и протиснулась между Яной и косяком.

– Разуваться не надо, – предупредила Яна, – проходите в гостиную.

Санталова сняла дубленку, повесила ее на вешалку, потом – шапку. Ее короткие светлые волосы были завиты и уложены в прическу. Она, правда, изрядно примялась под шапкой. Джемма, демонстрируя само смирение, наблюдала за вошедшей.

Санталова неловким суетливым движением одернула черную юбку, поправила такой же черный пиджак и, бросив торопливый взгляд в зеркало, прошла в зал. Села в кресло. Яна устроилась напротив. Джемма растянулась у ее ног. Санталова робко улыбнулась, скосив глаза на собаку и тут же вновь стала подчеркнута серьезной, если не скорбной.

– Чай, кофе? Может, что-нибудь покрепче?

– Нет, спасибо, я за рулем. А вот от чая не откажусь, – пробормотала Санталова.

Яна прошла на кухню, включила электрочайник и вернулась в гостиную.

– У вас курить можно? – осведомилась Санталова.

– Пожалуйста, – Яна пододвинула гостье пепельницу и са-

ма достала из лежавшей на столе пачки «Винстона» сигарету.

– Мне нелегко говорить об этом, – Санталова нервно затянулась, – но я должна...

Ее маленькие серо-голубые глазки подернулись влажным туманом. Яна заметила, что губы и руки посетительницы дрожат, но та усиленно стремится сдержаться и не рухнуть в океан рыданий.

– Извините, – торопливо произнесла Санталова, – так вот... Мой сын погиб. Глупо и бессмысленно. Я никогда не одобряла его брака с этой... – она скривилась.

И тут Яна поняла, что перед ней вовсе не истеричка и не сверхчувствительная особа. Санталова, подумала Яна, властная и жесткая женщина, и только смерть сына смогла исторгнуть из ее глаз потоки слез. И словно в унисон Яниным мыслям глаза Санталовой прояснились, высохли, став похожими на два прозрачных кристалла. Их ледяное сияние неприятно ударило Яне в глаза.

– Все это из-за нее. Нет, не улыбайтесь! – чуть не возмущенно воскликнула Санталова. – Это не обычная неприязнь свекрови! И то, что произошло... – она словно задохнулась.

– Я вас очень хорошо понимаю, – мягко сказала Яна, – вы потеряли сына...

– Никто не может этого понять, пока сам не потеряет сына или дочь!

– Я, представьте себе, в один день потеряла сына и мужа, – стараясь не показывать своего волнения, произнесла Яна, –

они погибли в автокатастрофе. Я чудом осталась жива.

– Простите, – снизила обороты Санталова, – нервы ни к черту. Но это не отменяет ее вины. Она допустила у себя в доме такое! Господи, какой позор! Да ни одна порядочная женщина не пошла бы на это. Этот... парень, которого она привела...

– Мне неудобно об этом говорить, но осмелюсь напомнить вам, что на вечеринке было две пары. Ваш сын вызвал проститутку, – Яна выдержала грозный взгляд Санталовой.

– Если бы Оксанка сказала «нет», ничего бы не было! Все в семье зависит от женщины! Но я пришла не за этим... – ее взор смягчился.

– Вы хотите, чтобы я помогла вам с расследованием? – скромно сказала Яна.

Она поймала себя на том, что сочувствие, которое обычно питаешь к людям, потерявшим близких, испаряется в ней с быстротой спирта. По телефону Санталова производила впечатление убитой горем, сникшей женщины. Кто мог догадаться, какое вулканическое пламя таится в глубинах ее тщеславного существа?

– И кто вам сказал про проститутку? – нахохлилась Санталова. – Может, она была просто знакомой... Как что, так сразу проститутка!

– Сказал мне это лейтенант Руденко, а ему сообщил Гулько, тот парень, которого на вечеринку пригласила Оксана.

– Понятно, откуда ветер дует, – Санталова быстро зага-

сила сигарету в пепельнице. – Так вот, я хочу предпринять расследование с тем, чтобы все прояснить раз и навсегда! – торжественно и гордо изрекла она. – Зачем этой девушке понадобилось убивать моего сына? Да еще принародно! Преступник был в маске, значит, не хотел, чтобы видели его лицо. Думаю, это был сообщник моей невестки. Она ни шиша не имеет, и ее мамаша, думаю, отдала бы полжизни, чтобы с моим сыном случилась какая-нибудь беда. Оксанка балластом висела на шее моего мальчика. Он ее кормил, обувал, одевал, покупал ей всякие безделушки, возил на курорты, оплачивал ее массажисток, всякие там сауны, солярии, тренировочные залы... – она снова осеклась, решив перевести дыхание.

– Вы полагаете, что в убийстве замешана Оксана? – удивилась Яна.

Ей все более становилось невыносимо общаться с этой вздорной мамашей. Исходящая от Санталовой аура нетерпения и упрека угнетала Яну. Она еще могла бы согласиться заняться этим расследованием из-за симпатии к пострадавшей, но помогать самовлюбленной, высокомерной и придурковатой мамаше она не собиралась. Яна стала как бы между прочим перебирать карты. Остановилась на карте «Внушение». Было бы замечательно внушить этой громогласной особе желание покинуть скромный этот чертог, – с усмешкой подумала Яна.

– Да кому же, как не Оксанке желать смерти моего маль-

чика! – чуть не вскочила с кресла Санталова.

– А я в этом не уверена, – скептически пожала плечами Яна. – Кто бы тогда стал оплачивать ее расходы?

Она положила руку на карту и чуть прикрыла веки.

«Собирайся, собирайся, уходи. – шептал ее внутренний голос. – У тебя много дел, забот, ты забыла выключить утюг, стиральную машину, миксер, кухонный комбайн. Тебя ждут далеко отсюда... ну, вспомни, кто может тебя ждать... Тебе здесь нечего делать. Никто не поможет здесь тебе. Уходи».

Но Санталова молотила языком, словно какой-то автомат. Она костерила невестку, совершала бесчисленные экскурсии в прошлое супругов, поносила мать Оксаны, всю ее родню, жадную и нищую, перевозносила сына, желала кары Оксаниным родственникам, говорила что-то о ее любовниках, о том, как она мешала Юре, и так далее.

Нет, карта не помогала настроиться на нужную волну. Яна с досады закусила губу. Она остановила неподвижный стеклянный взгляд на дергающемся лице Санталовой и созерцала ее с той тоскливой отрешенностью, к какой порой смотришь на скалу и бешенное плюющее в нее пеной море. «Давай-давай, болтай-болтай, выкладывай...» – Яна вздохнула. А что, если ей все-таки заняться расследованием? Нет, не из желания помочь этой тетке, а, наоборот, чтобы доказать ей, что ее сноха ни при чем. А ты сама-то веришь в то, что Оксана не замешена в убийстве? Посмотрим.

– Но ведь Оксана сама пострадала, – возразила Яна Сан-

таловой после того как та на секунду замолчала.

– Случайно, – намекаяще улыбнулась та, отчего все ее лицо собралось в складки. – Это была часть плана. Чтоб ее никто не заподозрил.

Довольная своим хитроумием, Санталова даже подмигнула Яне.

– Вы недовольны действиями милиции? – равнодушно поинтересовалась Яна.

– Мне нужно, чтобы расследование шло быстро и продуктивно. А наша милиция... Сами знаете, как она работает, – сделала презрительную гримасу Санталова.

– Хорошо, я берусь, – просто сказала Яна, – но вам это будет стоить...

Теперь была очередь Яны лукаво подмигнуть Санталовой.

– Сколько бы ни стоило! – встрепенулась та. – Я докажу, что эта дрянь убила моего сына!

– Так, может, вы сами справитесь? – усмехнулась Яна.

– Нет, – поводила Санталова пальцем из стороны в сторону, – я не обладаю паранормальными способностями.

– Но вы должны сознавать, что мои паранормальные способности не означают, что я с ходу назову убийцу, – резко ответила Яна, – вам потребуется все ваше терпение, а мне время...

– Вы разыгрываете меня! – натянуто улыбнулась Санталова.

– Мне нужно время, чтобы во всем разобраться. К тому

же сегодня у меня был прием...

– Сколько? – с нарочитой деловитостью спросила Санталова.

– Что сколько? – не поняла Яна.

– Денег, – Санталова выразительно вздохнула и заложила ногу на ногу.

– Две тысячи долларов – аванс, а дальше... Смотря по тому, как я справлюсь с возложенной на меня задачей. Если все будет хорошо, – Яна сделала невинное лицо, – ограничимся суммой в пять тысяч... не считая аванса, разумеется.

– Я принимаю ваши условия, – победоносно приподняла круглый подбородок Санталова. – Когда вы начинаете?

– Завтра. Сегодня я немного устала, – Яна снова закурила.

– Вот деньги, – Санталова достала из сумки кошелек из крокодиловой кожи и, отсчитав двадцать зеленых купюр, положила перед Яной.

Та поблагодарила, встала и пошла на кухню. Во время чаепития Любовь Ивановна, видимо, окончательно почувствовав себя хозяйкой положения, принялась давать самые разнообразные советы. В первую очередь, сказала она, Яне следует встретиться с матерью Оксаны, тогда она, Яна увидит, что это за акула!

– Эта самая акула, не сомневайтесь, – продолжила Санталова, – передала свой хищный аппетит дочери. Оксана любила прикидываться этакой душкой, ягненком, непрактичной, не смыслящей ни в чем дурочкой. На самом деле она поку-

шалась на Юрино богатство, нажитое им, естественно, честным трудом и упорством. Наверняка у нее были любовники, – при этих словах Санталова таинственно понизила голос и поиграла бровями. – Чем еще заниматься замужней женщине, в то время, как ее супруг добывает средства на жизнь? Юра безусловно баловал эту затаившуюся дрянь, позволял ей делать все что угодно, не отдавая себе отчета, что вскормил змею на груди.

На Янин вопрос о брачном контракте или завещании Любовь Ивановна ответила, что, конечно, сын ее был настолько доверчив, что все нажитое им добро перейдет к Оксане.

– Вот увидите, – в глазах Санталовой вспыхнула неприкрытая ненависть, – вскоре она поправится и через месяц-другой выйдет замуж за какого-нибудь молодчика. Да не за какого-нибудь, – поправила она саму себя, – а за того, кто... Если только мы не разоблачим его и ее... Шайка бандитов!!!

Яне было уже невмоготу слушать Санталову. Она снова накрыла ладонью карту «Внушение» и сосредоточилась на передаче определенного импульса. Она напрягла все свои внутренние силы. В наступившей тишине тиканье настенных часов казалось гулким набатом.

– Ой, что это я! – спохватилась Санталова, – меня же ждут! Кроме того, я, кажется забыла выключить утюг.

Яна готова была послать воздушный поцелуй Всесильному Духу. «Получилось!» – молча ликовала она. Любовь

Ивановна было дернулась, но, поймав настороженный взгляд Джеммы, снова застыла.

– Джемма, Любовь Ивановна собралась уходить. Успокойся.

Джемма уткнулась головой Яне в стопу.

– Милая собачка, – с опаской произнесла Санталова, – мне действительно пора. Я вам завтра позвоню. Вот телефоны, домашние, рабочие, как говорится.

Она снова открыла сумку и достала лист бумаги, свернутый в четыре раза.

«Так, значит, она была уверена, что я займусь этим делом – список заранее приготовила!» – с неудовольствием подумала Яна.

– Всего хорошего. Звонить лучше вечером. Так вернее, – выдавила Яна из себя.

– Ох! – Санталова, кажется, вновь готова была примерить на себя роль безутешной матери, – сколько дел! Эти похороны... – она всхлипнула. – А мне, знаете ли, сейчас не до мороки, такой комок вот тут, – она приложила руку к груди. – Господи, за что мне такое?!

Яна воздержалась от утешений. Она понуро проводила гостью до двери, потом до калитки и, увидев, как ловко и уверенно Санталова садится за руль синего «опеля-омеги», пошла обратно. Рядом с ней шествовала довольная проводами Джемма. Теперь вновь в их доме поселится покой и тишина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Яна проснулась бодрая и отдохнувшая. С сегодняшнего дня она должна официально приступить к работе! Яна сделала несколько дыхательных упражнений, приняла душ и, покормив Джемму, стала готовить себе завтрак. Пока отваривалась цветная капуста, она наложила на лицо крем и устроилась в кресле. Взгляд ее непроизвольно упал на карты. Они так и остались лежать на столике со вчерашнего дня. Яна отвела глаза от колоды и стала размышлять об произошедшем в доме Санталовых.

Итак, Санталов мертв, его жена тяжело ранена, Настя исчезла, Гулько тоже ранен, но его дела быстро идут на поправку. Кому было выгодно убийство Санталова? Вообще-то идея группового секса, посетившая мозг Санталова, стоит того, чтобы о ней поразмышлять. Каким образом он решил задействовать в ее реализации жену? Или это она была инициатором этого нестандартного действия?

Если принять за истину последний вариант, то подозрения с Оксаны можно снять. Тем более Милославская почему-то не принимала всерьез версию убийства Санталова женой. Но, с другой стороны, в случае, если инициатива принадлежала Оксане, это могло бросить на нее новую тень. Что, если вся эта вечеринка была организована лишь для того, чтобы было легче устранить мужа? Тем более что материаль-

ные ценности, нажитые Санталовым переходят его жене?

Если рассматривать эту гипотезу, то становится очевидным, что Оксана действовала с сообщником. Но сообщник не стал бы стрелять в Оксану... Если только не попал в нее случайно, с перепугу.

А как тогда быть с исчезновением Насти? Какая роль принадлежала ей? Пригласил ее вроде бы Санталов. Означает ли это, что он поддерживал с нею длительные отношения, или был знаком поверхностно и недолгое время? Кто может быть в курсе этого? Сослуживцы Юрия? Возможно, Настя навещала его на работе или звонила. И что вообще за отношения были у Санталова с женой? Может, он в открытую изменял ей? Ведь это он добывал средства к жизни, он содержал ее... Иначе как объяснить тот факт, что Оксана согласилась принять участие в оргии и даже пригласила на нее своего знакомого? Или групповуха была для нее неприятным, прямо-таки отвратным сюрпризом? Но тогда она должна была бы сама взять в руки пистолет и «навести порядок». Если бы, конечно, возмутилась до предела и слетела с катушек. Откуда возник человек в маске? Может, разгневанная и горящая злобой, она позвонила своему любовнику и по телефону обговорила с ним план действий на вечер?

Больно уж витиевато и не очень правдоподобно. Человек в состоянии аффекта скорее всего сам станет палить из пистолета, чем приглашать кого-нибудь со стороны. В этом случае зачем ей стрелять в Гулько? За компанию? Или потому что

«крыша» поехала?

Яна сняла кастрюлю с плиты и, поставив на огонь сковородку, принялась вынимать и обваливать в приготовленных заранее сухарях капусту. Когда она выложила все это на сковородку и, монотонно помешивая, присела за стол, ее мысли сами собой вернулись к инциденту на даче Санталовых.

Куда пропала Настя? Если это действительно была она, то напрашивается вопрос о мотиве. Что двигало ею? Обида, злость или она была не в себе? А может, те трое, зная, что она проститутка, насмехались над нею? Это Гулько говорит, что все было пристойно. Вот смеху-то! Оргия была пристойна, все вели себя прилично... Люди как раз и устраивают такие праздники, чтобы «оторваться». Итак, выведенная из себя, Настя берет пистолет и стреляет по «мучителям»? Зачем тогда ей надевать маску? И вообще выход убийцы был словно отрепетирован. А человек, охваченный бурным чувством, толкающим его на совершение опасного, аморального поступка, будет ли он напяливать на лицо всякий хлам? Глупо.

Можно еще рассмотреть версию, согласно которой Настя действовала с сообщником. Например, Санталов пригласил ее на оргию, она договорилась с кем-то, кому была выгодна смерть Юрия, и... Что, если именно этот субъект в маске и познакомил Санталова с Настей? Что, если мы имеем дело с заранее спланированным убийством, совершенным человеком, который руководствовался вполне конкретным расче-

том?

Яна выключила газ и стала лопаткой снимать со сковороды зарумянившиеся соцветия. Налила томатного сока, разрежала огурец и принялась за еду. Покончив с капустой и соком, Яна перешла в гостиную. Джемма сопровождала ее. Когда Яна села в кресло, собака, как обычно, растянулась у ее ног.

– Запутанное дело, – обратилась Яна к Джемме.

Та подняла голову, одарив хозяйку глубоким сочувственным взглядом.

– Что скажешь? – улыбнулась Яна.

Джемма издала протяжный жалобный звук.

– Вот и я не знаю, – вздохнула Яна.

* * *

Прошел по крайней мере час со времени этого краткого «диалога», когда Яна решила обратиться к картам. Она снова продела несколько упражнений психофизического свойства, шевеля губами, тихо, плавно и медленно повторяя «аум». И только потом вытянула из колоды карту «Взгляд в прошлое». Эту карту изрядно попортила Джемма, попортила своими зубами, после чего карта начала «фонить». Яна с тех пор трудилась над новым рисунком, стремясь воспроизвести с точностью до миллиметра изображение на этой карте, но пока ей это не удавалось. Приходилось довольствоваться ущерб-

ной картой. К тому же, в то время, когда данная карта функционировала в нормальном режиме, Яне была недоступна полная картина происшедших в прошлом событий. «Слишком быстро мотает», – обычно говорила Яна, выхватывая зрением лишь отдельные фрагменты прошлого. Она уподобляла действие этой карты ускоренному движению пленки вспять.

Яна положила ладонь на карту и сосредоточилась на поставленной задаче. Она попробовала настроиться на тот вечер, когда произошло убийство. Для этого Яна начала игру с воображением, разрабатывая образные ряды, подобно мускулатуре. Она позволяла своей фантазии путешествовать в таких краях, куда с трудом долетали отблески и отзвуки реальности. «Проработав» крайние пределы, Яна спускалась все ниже и ниже, словно падала на парашюте из заоблачных сфер. Она перебирала в памяти все, что слышала об участниках этой вечеринки, точно на весах взвешивая их интересы, импульсы, желания, пристрастия...

Тихо щелкнул замок. Яна вздрогнула и затаила дыхание. Ей казалось, что внутри ее холодеет ком нерожденной вселенной. И тут у нее заложило уши. Все ее тело, – чудилось Яне, – покрылось глазами, бесшумно моргающими, глядящими в тускло бронзовеющую дымку какого-то тесного помещения, надвинувшегося на нее точно облитая черной водой барокамера. Страх и тревога. Кто-то копошится у самой стенки. Или это бьется птица, полная ужаса и бессилия, бьет-

ся в тоске? Темные тени на покрытой патиной сумеречно-го света стене рушатся в крошечную темень и все замирает. Лицо стремительно приближается, едва выделяясь на фоне темноты. Блеснули два светлых кружка. Яна задрожала. Это маска... прорези для глаз... Янино нутро леденеет и в его вечной мерзлоте начинает позвякивать чей-то голос, переходящий в сдавленный шепот.

«Маска» прячется за узкой дверцей, шаги удаляются. Они звучат глухо, они крадутся... Достигая светлой полосы под массивной дверью, они обретают звучную вескость и беззаботность. Дверь распахивается, вылетает во мрак столб огня. Яна не может снести этого полыхания. Она щурится, она закрывает глаза. В ушах клокочет судорожный смех, бурлят языки пламени...

Забрызганные жидким золотом, выплывают лица. Яна шире открывает глаза. Она видит высокого темноволосого мужчину, он смеется, его глаза повлажнели от слез. Он покраснелся и то и дело раскачивается из стороны в сторону. Яна напряженно всматривается, она знает, что все может исчезнуть в мановение ока, и боится, что «ларец» закроется, зеркало поблекнет. Нет, мужчина не качается, он дергается, что-то говорит, громко и бестолково. Слова пенятся на его губах, подобно шампанскому. Раздается звон, он наполняет комнату веселыми осколками смеха.

«Да что же он дергается?»

Янин взгляд скользит ниже и натывается на красивое ли-

цо светловолосой девушки. Она трясет головой, вырывается, хохочет. Она полуодета. Что-то голубое вихляется у нее на животе. Платье. Мужчина держит ее одной рукой. Грудь девушки влажно блестит, мужчина водит по ней рукой, потом хватает с тумбочки бокал на тонкой ножке и выливает на девушку. Та отбивается, выскользывает из рук мужчины, падает на ковер. Мокрые волосы рассыпаются по ее лицу, она сворачивается калачиком и смеется. И тут ее смех перечеркивает гневный окрик.

Яна оборачивается. У двери стоит одетая в красное платье блондинка. У нее сдвинутые на переносице брови и недовольный взгляд, в котором кипит возмущение. Она держит в руке фужер. И тут, вдруг успокоившись, с каменным выражением лица швыряет его в стену. Фужер разбивается. Осколки летят на мужчину. Он кричит, он взбешен, он подсакивает к блондинке, но путь ему кто-то преграждает. Яна видит мужчину со спины, словно ее глаза переместились на стену, напротив которой стоит блондинка. Брюнет загораживает того, кто встал у него на дороге. Блондинка обходит темные силуэты и падает на широкую кровать. Платье на ней задирается. Силуэты размыкаются.

Яна видит, как молодой черноволосый парень плюхается на кровать. Его рука скользит по ноге блондинки. Та запрокидывает голову, из-под опущенных век следя за мужчиной. Тот садится рядом, стягивает тонкую лямку с плеча блондинки, начинает ласкать ей грудь. К его ногам подползает

упавшая на пол девушка. Она приподнимает штанину, проводит языком по щиколотке мужчины. А он, стащив лямки и лиф платья блондинки до живота, кусает ее правый сосок. Парень сует руку ей между ног. Она раздвигает колени, рхнув на спину и закрыв глаза. Мужчина отталкивает парня, но сам тут же отлетает, отброшенный ногой блондинки. Девушка смеется. Мужчина вскакивает и, схватив хохотунью, волочет ее вон. Он переступает границу тьмы и света и исчезает со своей добычей во мраке.

Черноволосый парень целует блондинку в губы, налегает на нее, она не противится, обнимает его за шею. Ее тяжелые ресницы опалены видениями, они медленно поднимаются и опускаются, точно диковинные кулисы. Она видит зависшее над нею лицо парня, странно спокойное, восковое, только верхняя губа заметно дрожит... Вождение? Внутри нее плотоядное воркование и истекающая кровью желания жизнь... Жизнь теплится только в ней. Она сдавливает шею парня, закидывает ноги ему на поясницу, она не может больше ждать. Его губы манят, дразнят, кончик языка, едва коснувшись ее воспаленного рта, пробегает по ее щекам, подбородку, шее и ускользает. Карие глаза глядят на нее без похоти, с какой-то затаенной жестокостью. Может, так и выглядит страсть... та страсть, которой у нее с мужем не было?

Яна поняла, что оказалась внутри блондинки. Словно Алиса. Она попыталась сконцентрироваться на переживании своего «я», ставшего одним целым с «я» этой обмираю-

щей от страсти женщины. Но едва она зафиксировала сознанием магическую точку тождества, как все рассыпалось. Яна только помнила потом, как перед ее глазами пронеслась целая лавина черных завес. Они были подобны быстро скатанному ковру или ленте. Длилось это видение не больше секунды. Вот так – вжик! – и абсолютная тьма.

Яна ощутила под веками клейковину новых образов. Это было похоже на головокружение или на восприятие мира обкурившимся подростком. Все качалось, плыло и как-то безжизненно и бессмысленно шевелилось. Первым вылупилось из мрака лицо Руденко, оно походило на сверкающую тарелку. По его лбу струился пот, пшеничные усы комично топорщились. Он сидел на корточках возле тела мужчины, глядя труп в лицо. С ним рядом присел сержант Самойлов. Его удивленная физиономия разбухала изнутри. Когда процесс странного брожения подошел к концу, лицо Самойлова «взорвалось». Яна попыталась перевести взгляд на Руденко, прочитать по губам, что он говорит, но сколько не крутила головой, не могла его найти. Видела лишь серый квадрат от занавешенного окна и белесую кромку неба, расчерченную рахитическими ветками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.